УДК 81.255.4 DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени

А. Л. Соломоновская

Новосибирский государственный университет Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена обзору точек зрения на статус, происхождение и функционирование двойных переводов (или переводческих дублетов) в общеевропейском культурном пространстве обозначенного в заглавии периода. Под переводческим дублетом понимается перевод одного слова оригинала двумя (изредка более) лексемами, связанными сочинительным, разделительным или пояснительным союзом. Этот прием является универсальным в переводческих школах этого периода независимо от их географического положения. Однако до сих пор в научной литературе отражены в основном исследования по конкретным переводческим школам или персоналиям, поэтому целью этого обзора стало обобщение представленного в литературе материала, обсуждение спорных вопросов, которые в той или иной форме поднимаются исследователями и предложение своих ответов на эти вопросы. Спорные вопросы при рассмотрении этого явления затрагивают причины его возникновения (от фактически случайной фиксации колебаний переводчика до сознательного параллельного применения двух философских концепций перевода (этимологического и смыслового)), языковой статус дублетов в паре (на каком этапе можно говорить о дублетах - синонимах) и их функционирование в тексте (являются ли они смыслоразличительным или риторическим средством). Рассмотрев предложенные в литературе точки зрения, автор предполагает, что, рассматривая двойной перевод в динамическом аспекте и исторической перспективе, можно утверждать, что дублеты первоначально появляются именно как смыслоразличительное средство и способ передать весь спектр значений многозначного слова (предоставляющий читателю право самому решать, какое именно значение выбрать в данном контексте). Насколько при этом переводчик руководствовался какой-либо философской теорией (будь то философия языка Августина Блаженного или теория подобных и неподобных подобий Псевдо-Дионисия Ареопагита) сказать затруднительно, так как в известных автору высказываниях самих средневековых переводчиков нет однозначных упоминаний этого приема. В любом случае, такое философское обоснование к определенному моменту (началу Нового времени) было забыто, и дублеты, если и использовались авторами и переводчиками, выполняли чисто риторическую функцию, а отдельные двойные переводы закрепились в языке как устойчивые выражения.

Ключевые слова

двойной перевод (переводческий дублет), средневековый перевод, этимологический и смысловой перевод, смыслоразличительная и риторическая функции, философия языка Августина Блаженного, теория подобных и неподобных подобий Псевдо-Дионисия Ареопагита

Для цитирования

Соломоновская А. Л. К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

© А.Л. Соломоновская, 2019

About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period

Anna L. Solomonovskaya

Novosibirsk State University Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article reviews different perspectives concerning the status, origin and functions of double translations in European cultural space throughout the period. The term double translation here refers to the translation of one word with two (rarely more) lexemes connected with a conjunction or another linking word. This technique was universal across medieval translation schools, whatever their geographic origin. However, only particular schools or individual translators have been studied in terms of this technique so far, so the author aims to summarize the findings, delineate some controversial issues in the domain under consideration and place the findings in a common perspective. The controversial issues comprise (but are not limited by) the causes of their emergence in translated texts (from almost accidental fixation of the translator's hesitation to the conscious decision to apply two different methods of translation based on specific philosophy of language). Another widely discussed question is the status of the words in such a pair - whether they were regarded as synonyms or had another status. One more question that causes discussion is their functions in the text, namely whether they were a rhetorical device or a certain means of semantic differentiation. The author of the article supposes that double translation should be considered dynamically and such chronological consideration makes it possible to argue that double translations first appeared to convey the whole range of meanings of a certain word enabling the reader to make their own choice concerning the exact meaning of the word in each particular context. As for the philosophical or theological background of the technique (be it language philosophy of St. Augustine or the theory of images developed by Pseudo-Dionysius the Areopagite) sometimes assumed to have been intentionally realized by medieval translators, it is hard to verify such claims as the utterances (Prefaces) of the medieval translators themselves hardly mention (with the possible exception of Praefatio Brixiana) either the technique or its presumed theological grounds. Moreover, word pairs (hendyadis) had been used as a rhetorical device both in the literary tradition and the national epic poetry of many European countries. This rhetorical device was widely used for emphasis, so when double translation actually lost its semantic function, it was retained by languages as set phrases or a purely stylistic device.

Keywords

double translation (translator's doublets), medieval translation, etymological and semantic translation, sense differentiation and rhetorical function, language philosophy of Saint Augustine, theory of similar and dissimilar images of Pseudo-Dionysius the Areopagite

For citation

Solomonovskaya, Anna L. About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

Введение

Двойной перевод или переводческий дублет представляет собой достаточно распространенный переводческий прием в течение более тысячи лет, начиная с переводов Иеронима Стридонского и его коллеги и соперника Руфина Аквилейского и заканчивая некоторыми переводчиками уже в Новое время. В первую очередь необходимо уточнить, что именно будет подразумеваться под переводческим дублетом в данной статье. В исторической славистике этот термин иногда употребляется для обозначения слов с идентичным значением в языке одного или даже нескольких памятников. Именно так трактуют дублеты болгарский славист Р. М. Цейтлин (в нескольких работах, например 1969, 1977 годов); в советской и российской традиции такое же понимание дублета как лексического варианта встречается в работах Л. П. Жуковской (1964), В. Н. Виноградовой (1964), Г. Н. Лукиной (1964), С. В. Дегтева (1991), Л. П. Клименко (1997).

Более узкое и вместе с тем точное понимание этого термина представлено в целом ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов и историков языка. Под дублетом в таком случае понимается расчлененное выражение одного понятия. При этом не суть важно, является ли это способом выражения собственно авторской мысли в оригинальном тексте – риторический прием, известный как гендиадис, — или же речь идет о расчлененной передаче смысла одного исходного слова при переводе в случае собственно переводческих дублетов или двойного перевода. Два (в редких случаях больше) элемента этого выражения обычно связаны синтаксическими средствами. Для славянских языков это может быть сочинительный союз и, разделительный или, а также пояснительные союзы (в терминологии Л. А. Глинкиной (1978), «гибридные словоформы, близкие к вводным словам и одновременно к союзам» [Глинкина, 1978. С. 99]) рекше и сиречь. Обе связки по происхождению связаны с корнем -рек-: первая из них представляет собой краткое действительное причастие от речи, вторая — эллиптическое сочетание си ртых есть. При наличии пояснительного союза двойной перевод можно трактовать и как внесенную в текст глоссу.

Определение дублета, или синонимичного бинома, по терминологии французского ученого Клода Буридана, которое он приводит в своей обзорной работе по синонимичным биномам или дублетам во французской литературе [Buridant, 1980], звучит следующим образом: «Последовательность двух слов, относящихся к одной части речи, находящихся на одном уровне синтаксической иерархии и обычно связанных какой-либо синтаксической связкой» ¹. Это определение, как кажется, наиболее адекватно отражает суть описываемого явления. Определение распространяется и на дублеты в оригинальных текстах того или иного автора, и на собственно предмет данной статьи — переводческие дублеты.

Дублет как смыслоразличительное средство и риторический прием

Использование дублетов разного характера (синонимических и несинонимических) и в оригинальных произведениях, и при переводе, является древним явлением. Еще Цицерон приветствовал включение в речь дублетов (типа «честь и хвала») как для достижения риторического эффекта, так и для перифрастического объяснения [Eichel, 2016]. Источником парных наименований типа «радость и веселие» также являются библейские тексты и народный эпос (в частности, славянский и германский) [Пименова, 1994; Discenza, 2005; Eichel, 2016]. Широкое распространение этот риторический прием получил в средневековой латинской литературе и, вероятней всего, под ее влиянием распространился в литературы национальные, в частности, французскую.

Лексические дублеты в новозаветном греческом тексте и его переводах (в частности, славянских) восходят к ветхозаветной культурной традиции. Главным источником таких риторических, в первую очередь, конструкций на славянской почве является Псалтирь [Дмитриев, 1994]. Благодаря этому влиянию парные синтагмы (как называет их В. В. Колесов (1989)), к числу которых относятся и дублеты, как способ расширения текста стали частью византийской, а за ней и славянской литературной традиции. Что касается переводческих дублетов, их появление в библейских переводах может также оправдываться двойным пониманием одного слова, которое изначально входило в намерение составителей библейского (в частности, новозаветного текста). Так, Я. Ваард и Ю. Найда приводят пример из Евангелия от Иоанна 1:5, где греческое слово καταλαμβάνω означает одновременно и «охватить», и «понимать». В таком случае двойной перевод был оправдан и необходим для передачи, насколько это возможно, всей полноты смысла того или иного стиха Писания.

Вопрос, какая функция дублета является основной, пока остается открытым. Как смыслоразличительное средство его рассматривает в упомянутой работе Клод Буридан. В первую

_

¹ The sequence of two words pertaining to the same form-class, placed on identical level of syntactic hierarchy and ordinarily connected by some kind of lexical link (цит. по Note 3 в [Buridant: 53]; перевод с английского мой. – A. C.)

очередь, как считает этот ученый, дублеты используются для компенсации отсутствия однословного эквивалента в переводящем языке, а также для уточнения передаваемого автором или переводчиком содержания - с точки зрения теории семантического поля дублеты позволяют выделить конкретный его фрагмент (например, во французском семантическом поле beau / belle пара bel et gent выделяет тот фрагмент поля, который связан с утонченностью и благородством «красивого» человека). При этом некоторые поля более других склонны к биномному выражению, в частности семантические поля эмоций – радости, грусти, страха. Второй элемент бинома в этих случаях может как уточнять содержание более общего первого элемента, так и выполнять функцию интенсификатора, так как интенсивность выражения эмоции в средневековой культуре воспринималась как мерило ее искренности. В текстах другого рода («научных») дублеты служили для введения и объяснения заимствуемых (или, как в случае со славянскими переводами греческих текстов, калькируемых) латинских или греческих терминов. Дублеты как средство экспликации вписываются в средневековую ментальность, в которой новое (например, вновь вводимый «научный» термин) должно было опираться на авторитет (будь то уже существующее слово языка или авторитет первоисточника), а также соответствует дихотомической организации средневекового мышления, восходящей к биполярному манихейскому мировосприятию [Buridant, 1980].

В жанрах определенного рода дублеты могли выполнять и чисто риторическую функцию. В сочинениях французского философа Мишеля Монтеня, например, дублеты (почти всегда имеющие тонкие смысловые различия и часто объединенные аллитерацией) также выполняют риторическую функцию — они позволяют варьировать скорость движения мысли, подчеркивают оппозицию, акцентируют интенсивность эмоции [Ibid.].

В определенный период (для французской литературы это XVII в., эпоха преклассицизма и классицизма, с ее требованием ясности и недвусмысленности выражения) риторические дублеты начинают восприниматься как разновидность плеоназма, тавтологичные сочетания, употреблять которые можно лишь с большой осторожностью. Однако к этому времени многие дублеты уже стали формулами, и как таковые они частично сохраняются в современных языках (например, «честь и хвала» в русском или английское выражение aid and abate).

Также дублеты продолжают применяться как чисто риторическое средство. Например, экспрессивную функцию синонимических пар, передающих одно греческое слово (типа $\phi \iota \lambda \dot{\iota} \propto \zeta$ – $\iota \lambda \dot{\iota} \sim \zeta$ – $\iota \lambda \dot{\iota} \sim$

Переводческие дублеты: причины появления

Если в оригинальной литературе или эпосе у дублетов была очевидна риторическая функция, то появление дублетов в литературе переводной объяснялось самыми разными причинами. В первую очередь рассмотрим текстологические причины. К ним относятся, например, колебания переводчика, случайно зафиксированные писцом, который записывал под диктовку. Это, возможно, произошло в ходе первого латинского перевода сочинений Дионисия Ареопагита Гильдуином (первая половина IX в.). Греческому $\dot{\alpha}$ ф $\dot{\phi}$ $\dot{\nu}$ $\dot{\nu}$

В некоторых случаях исследователи склонны видеть в появлении дублетов результат взаимодействия (и соединения) двух традиций передачи одного текста оригинала. В этом

случае дублет возникает не собственно при переводе, а при последующих копировании и/или редактировании. В Лукиановской редакции Септуагинты, например, появление дублетов объясняется тем, что новое, гебраизующее чтение, которое вносили переписчики-иудеи, не заменяет уже существовавшее греческое, а вставляется рядом с ним [Harl, Dorival, Munnich, 1988]. Таким же образом рассматривает британский ученый Филип Бёртон [Burton, 2000] двойной перевод в доиеронимовском переводе Евангелий (или «старых латинских Евангелиях» (Old Latin Gospels)) – один греческий термин мог передаваться по-разному в двух известных традициях этого текста – Африканской и Европейской, и эти разные варианты мог объединить в своей работе очередной переписчик. Другой пример того же рода встречается в восточнославянской письменности XII в. Составитель славянского Толкового перевода Песни Песней, как считает российский исследователь этого памятника А. А. Алексеев, воспользовался выполненным, возможно, еще Мефодием Четьим переводом этой библейской книги и соединил взятое из этого перевода слово и поясняющий его синоним: въкринахъв цвтътъхъ [Алексеев, 1980].

Источником появления дублета могло быть сознательное решение переводчика именно так передать сложное греческое слово оригинала – как, например, поступил славянский переводчик Хроники Георгия Амартола, передав греческое compositum φιλοτιμία как чьсть и любовь [Вялкина, 1966]. Интересно отметить, что через восемьсот лет после перевода Хроники Георгия Амартола дублет как способ передачи сложного слова оригинала применяется в анонимном переводе Ареопагитик конца XVIII в., сохранившемся в так называемой рукописи Ивана Голикова (εὐπρεπειάς вида и доброты) [Николаева, 2007].

Еще одна интерпретация появления дублетов – это дублет как своего рода глосса, пояснение нового латинского (для французской литературы) или греческого (на славянской почве) термина. Например, в уже упомянутом переводе Хроники Георгия Амартола встречаются глоссы, содержащие или два варианта перевода одного греческого слова (црьковь рекше съборъ) или заимствованное слово и его перевод (фисіологиа рекше родословья) [Истрин], т. е. разновидности дублетов (одноязычные и двуязычные), которые традиционно рассматриваются в славистике.

Некоторые ученые (в частности А. Лориан) считают даже, что именно переводчики были основными поставщиками дублетных формул в национальную литературу – переводческие дублеты были для них способом ввести в национальный язык некоторые латинские и греческие термины, своего рода глоссированием (точка зрения приводится в [Buridant, 1980. Note 8]). Сам Буридан называет дублет «эмбриональной глоссой» [Ibid. Note 28].

В то время как одни исследователи склонны рассматривать дублеты именно как «синонимические или почти синонимические пары» [Вгоок, 1986], другие стремятся увидеть в появлении дублетов влияние философских и теологических построений поздней Античности и Средневековья. Бельгийский ученый Ф. Томсон видит в дублете (как в «классическом», так и двуязычном) проявление взаимоотношения философий языка фύσει и θέσει. В первом случае речь идет или об этимологическом переводе, или о транслитерации исходного греческого слова, во втором – о его актуальном конвенциональном эквиваленте. В рамках двойного перевода эти два подхода представлены одновременно [Thomson, 1991].

Несколько иную, хотя и очень близкую, философскую трактовку этого явления дает немецкий ученый Эрнст Ханзак. Опираясь на теорию языка Блаженного Августина, он утверждает, что собственно переводческие дублеты не имеют ничего общего с синонимией и появляются благодаря стремлению переводчика совместить два способа перевода — этимологический, то есть передачу внутренней формы слова и смысловой (передачу актуального значения) [Hansack, 1981]. Двойной перевод, таким образом, позволял снять противоречие между «переводом по смыслу» и переводом этимологическим, призванным «вызывать те же движения души», что и оригинал, что соответствовало философии языка Августина.

Эрнст Ханзак утверждает, что «описанный тип перевода – это ступень развития (переводческой мысли и практики. -A. C.), которая проявляется — более или менее ясно — во всех языках европейского культурного пространства: это христианская переводческая техника средневековья. Все европейские языки пользовались этим методом при переводе Библии» ². В другой работе (1987) тот же автор приводит примерные временные рамки распространения такого типа перевода - начиная с ранних сирийских переводов Библии ІІ в. и заканчивая XI в., хотя еще и в XIV в. и даже уже в Новое время некоторые как западноевропейские, так и славянские книжники и переводчики пользуются этим методом. Немецкий ученый опирается в своих построениях на так называемое Praefatio Brixiana, в котором, по его мнению, содержится первое подробное описание техники и идеологии двойного перевода на европейской почве. Это латинское предисловие к двуязычной (латинской и готской) или трехъязычной (греческой, латинской и готской) Библии, скорее всего, Ветхому Завету. Сама рукопись (вероятно, середины V в., хотя возможна и более поздняя датировка), к сожалению, не сохранилась, поэтому полностью подтвердить мнение немецкого ученого о текстовых (маргинальных или межстрочных глоссах), которые Э. Ханзак рассматривает как двойной перевод или дублеты, не представляется возможным. Предисловие написано разговорной латынью, содержит грамматические ошибки, что доказывает, что его автор - не очень образованный человек. Стиль документа не соответствует классическим нормам. В вопросе его датировки ученые расходятся. Традиционно этот текст связывали с корреспондентами Иеронима Блаженного Суннией и Фретелой, двумя готскими священнослужителями. Однако палеографические данные противоречат такой атрибуции и позволяют отнести этот текст к более позднему времени (самому концу V в.). Э. Ханзак в упомянутой статье, не рассматривает вопросы датировки текста, но имплицитно возводит его именно к переводу, а не к редакции перевода готской Библии.

Подробное рассмотрение Praefatio Brixiana не входит в задачи данной работы. Здесь мы остановимся только на трактовке этого текста как обоснования переводческих дублетов. Не имея прямых текстовых доказательств (в виде самого перевода), Э. Ханзак делает вывод о наличии в нем переводческих дублетов на основе следующего рассуждения: поскольку маргинальные и межстрочные глоссы были привычным и общеизвестным филологическим инструментом античности, сам факт написания Praefatio свидетельствует о том, что описанные в нем Wulthres (примечания, adnotationes) – не глоссы в привычном смысле, а совершенно новая техника разъяснения, а именно текстовые глоссы или двойной перевод. Таким образом, с точки зрения немецкого ученого, переводческие дублеты – это своего рода глоссы, внесенные в текст. Поскольку готский перевод Библии был первым в Европе переводом Священного Писания на национальный язык, его дублеты (примечания, adnotationes, Wulthres - содержащие по-видимому, этимологический перевод наряду со смысловым) были первым свидетельством применения этой техники в христианской национальной письменной традиции. Переводческие дублеты позволяли решить дилемму соблюдения буквы Священного Писания, с одной стороны, и доступности результирующего текста, с другой. Однако именно по причине того, что мы можем сейчас лишь гадать, что именно имеет в виду под Wulthres древний переводчик, построения Э. Ханзака еще нуждаются в эмпирическом подтверждении.

Тот же прием можно трактовать и с помощью теории другого неоплатонического христианского мыслителя (Псевдо) Дионисия Ареопагита — перевод как подобное (этимологический) и неподобное (актуальный) подобие, как это делает в работе 1994 г. М. И. Чернышева. Теория образов Ареопагитик была очень популярна в Средние века и касалась не столько зрительных образов, сколько библейской экзегезы. До сих пор остающийся загадочной фи-

ISSN 1818-7935

² Die geschilderte Art zu übersetzen ist eine Entwicklungsphase, die sich – mehr oder weniger deutlich – in allen Sprachen des europäischen Kulturraums nachweisen läßt: es ist die christliche Übersetzungstechnik des Mittelalters. Alle europäischen Sprachen haben auf diese Weise von der Bibelüprofitiert ([Hansack, 1981:23], перевод мой. – *A. C.*).

гурой поздней античности автор, воспользовавшийся псевдонимом, восходящим к новозаветному тексту, рассматривая многочисленные библейские метафоры, которые используются в Писании применительно к Богу во всех его трех ипостасях, делит их на подобные (физические объекты, играющие в чувственно-воспринимаемом мире ту же роль, что Божественное играет в мире трансцендентном — например, солнце) и неподобные (как например, в известном стихе из Евангелия от Иоанна (глава 10 стих 9): «Я есмь дверь»). Последние даже более предпочтительны, так как их метафорический характер очевиден и верующий не впадет в грех идолопоклонства, как это может случиться с «подобными» подобиями. Применяя эту теорию к переводу, можно предположить, что этимологический перевод (лексическая, иногда семантическая калька с греческого оригинала) может трактоваться как подобное подобие, а смысловой — как неподобное. Опять же, за неимением эксплицитного выражения такой связи в каком-либо переводческом предисловии или трактате (на данный момент автору неизвестен такой текст), и такое философское обоснование остается лишь современной реконструкцией предполагаемого хода мысли давно ушедшего от нас переводчика.

В литературе также встречаются оригинальные, даже в некоторой степени экзотические версии появления дублетов, в частности, в ранних переводах Преславской школы. Болгарская исследовательница П. Пенкова объясняет их появление противопоставлением, в рамках экзегетической школы Афанасия Александрийского, трансцендентного и временного, божественного и земного (например, греческое ανάστασις передается как въскресение (о Христе) или как въстание о людях (имеется в виду, по-видимому, апокалиптическое «восстание из мертвых»). Таким образом, заключает П. Пенкова, слова, которые часто считаются синонимами или переводческими дублетами (исследователь, однако, не уточняет, имеет ли она в виду то явление, которое обычно обозначается этим термином (две лексемы, передающие одно и то же греческое слово и соединенные союзом), или просто разные славянские эквиваленты одной греческой лексемы), на самом деле являются теологическими антонимами.

Однако не все ученые согласны с положительной оценкой этой техники, некоторые, например А. А. Пичхадзе [2011], видят в таких переводах следы неуверенности переводчика (в данном случае, восточнославянского), исправления им замеченной ошибки. Рассматривая переводы, известные в домонгольской Руси, А. А. Пичхадзе выделяет группу переводов, содержащих южнославянизмы (в которую входят и уже неоднократно упомянутая Хроника Георгия Амартола, и другие памятники, восходящие к ранним славянским переводам). Одной из собственно переводческих особенностей данной группы является наличие в тексте дублетов (как славяно-греческих, так и собственно славянских), которые предполагают альтернативное прочтение греческой лексемы, предлагая читателю, таким образом, самому выбрать нужное в данном контексте.

Заключение

Таким образом, переводческие дублеты, понимаемые в рамках этой работы как использование в одном микроконтексте двух (изредка более) слов переводящего языка, связанных соединительным, разделительным или пояснительным союзом, в соответствии с одной лексемой оригинала, являются широко распространенным переводческим приемом на всем протяжении рассматриваемого периода, универсальным для европейского (но также и ближневосточного, так как встречается в сирийских христианских переводах, выполненных в позднеантичную эпоху) культурного пространства.

Дублеты могут появляться в переводных текстах относительно случайно, как результат определенной организации труда переводчика или при последующей переписке изначального перевода в другой диалектной среде, но в основном этот прием использовался средневековыми переводчиками сознательно. Его популярности способствовало распространение риторического приема повторения (частным случаем которого является гендиадис) как в письменной европейской и ближневосточной культуре (с одной стороны, классические ла-

тинские сочинения (Цицерон), с другой – Ветхий Завет (особенно Псалтирь)), так и в устной эпической традиции европейских народов.

Переводчики пользовались этим приемом, чтобы выразить всю полноту значения слова оригинала, если не могли подобрать однословного эквивалента в переводящем языке или если исходное слово было многозначным. Также двойной перевод часто рассматривается как своего рода глосса-пояснение, которая могла вводиться в текст или существовать в качестве маргиналии-пояснения. Также такого рода повторы могли играть роль риторического приема, чаще всего применяющегося для усиления эмоционального воздействия, что характерно не только для переводной, но и для оригинальной литературы. Возможно также и предполагаемое некоторыми учеными (Э. Ханзак, М. И. Чернышева) сознательное стремление переводчика соединить два типа передачи исходной лексемы (воспроизведение его внутренней формы, так называемый этимологический перевод, передающий «движение души» автора исходного текста (или «подобное подобие», если применить не философию языка Августина, а теорию божественных образов Псевдо-Дионисия Ареопагита) и передача ее (лексемы) актуального значения (смысловой перевод, «неподобное подобие»). Так как последняя гипотеза базируется в основном на современной реконструкции взглядов средневекового переводчика, а не на аутентичных заявлениях, достаточно сложно судить об осознанности такого подхода. Так или иначе, со временем лингвофилософское обоснование, если оно и существовало в реальности, было забыто и позднейшие переводчики (раннего Нового времени в рамках данной работы), если пользовались этим приемом вообще, то воспринимали дублет как синонимическую пару по сути и как стилистическое средство по функции (о чем свидетельствуют переводческие дублеты к слову δύναμις в одном и том же контексте – отрывке из четвертой главы трактата «О божественных именах» Псевдо-Дионисия Ареопагита - 'сила и разум' (т. е. «значение») в Македонском кириллическом листке, с одной стороны, и 'сила и мощь' в позднем (конец XVIII в.) переводе Ареопагитик, с другой).

Список литературы

- Алексеев А. А. «Песнь песней» в древней славянской письменности. М., 1980. Ч. 1. 64 с.; Ч. 2. 64 с.
- **Виноградова В. Н.** Образование отвлеченных существительных с приставками не- и безвревнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 218–244.
- **Вялкина Л. В.** Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М.: Наука, 1966. С. 154–188.
- Глинкина Л. А. Из истории пояснительных союзов в русском языке // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1978. С. 98–116.
- **Дегтев С. В.** Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назианзина «Тринадцать слов» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М.: Наука, 1991. С. 36–41.
- **Дмитриев Д. В.** Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова. СПб., 1994. С. 43–50.
- **Жуковская Л. П.** Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 5–17.
- **Истрин В. М.** Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. ПГ., 1920. 612 с.; 1922. Т. 2. 454 с.; Л., 1930. 348 с.
- **Клименко Л. П.** Некоторые лексические особенности древнего славянского перевода греческой Псалтири (по материалам рукописей XI–XIV вв.) // Термин и слово. Н. Новгород, 1997. С. 116–125.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 295 с.

- **Лукина Г. Н.** К истории антонимических прилагательных в русском языке (слова *тонкий* и *толстый*) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 80–93.
- **Николаева Н. Г.** Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 184 с.
- **Пименова М. В.** Выражение эстетической оценки в древнерусском языке (на материале памятников литературы XI нач. XII в.) // Динамика русского слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 150–154.
- **Пичхадзе А. А.** Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 403 с.
- **Тарковский Р. Б.** Экспрессивно-стилистические акценты в системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ, 1979. Т. 34. С. 162–175
- **Цейтлин Р. М.** О лексических особенностях языка старославянских памятников // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 35–47.
- **Цейтлин Р. М.** Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.
- **Чернышева М. И.** К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.
- **Brook**, L. Synonymic and Near-synonymic Pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1986, vol. 87, no. 1, p. 16–33.
- **Buridant**, C. Les binômes synonymiques. Esquisse d'une histoire des couples de synonymes du Moyen Age au XVII siècle. *Bulletin d'analyse du discours*, 1980, no. 4, p. 5–79.
- **Burton**, **Ph.** The Old Latin Gospels: A Study of their Texts and Language. Oxford University Press, 2000, 232 p.
- **Discenza**, N. G. The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, State University of NY Press, 2005, 224 p.
- **Eichel**, **A.** T. Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016, 302 p.
- **Hansack**, **E.** Die theoretischen Grundlagen des Ubersetzungsstils des Exarchen Johannes. In: Die Welt der Slaven XXVI. München, 1981, S. 15–36.
- **Hansack**, **E.** Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Praefatio Brixiana; 2. Notker der Deutsche. *Anzeiger für slavische Philologie*, 1987, no. 18, p. 79–127.
- **Harl**, **M.**, **Dorival**, **G.**, **Munnich**, **O.** La Bible Grecque des Septante (Du Judaïsme Hellénistique au Christianisme ancient). Ed. du CERF, 1988, 368 p.
- **Penkova**, **P.** The Grammatical Exegesis in the Preslav Literary School. In: Littera et Lingua. Електронно списание за хуманитористика. 2013. URL: http://www.slav.uni-sofia.bg/naum/en/lilijournal/2013/1-2/penkovap (accessed 10.01.2018).
- Thery, P. G. Etudes Dyonisiennes I: Hilduin, traducteur de Denys. Paris: Vrin, 1932, 183 p.
- **Thomson**, **F. J.** John the Exarch's Theological Education and Profociency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa". *alaeobulgarica*, 1991, vol. 15, no. 1, p. 35–58.
- Waard, J. de, Nida, E. A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. New York, Thomas Nelson Inc., 1986, 224 p.

References

- Alekseev, A. A. Song of Songs in old Slavonic writings. Moscow, 1980. Parts 1, 2 (in Russ.)
- **Brook**, L. Synonymic and Near-synonymic Pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1986, vol. 87, no. 1, p. 16–33.

- **Buridant**, C. Les binômes synonymiques. Esquisse d'une histoire des couples de synonymes du Moyen Age au XVII siècle. *Bulletin d'analyse du discours*, 1980, no. 4, p. 5–79.
- **Burton**, **Ph.** The Old Latin Gospels: A Study of their Texts and Language. Oxford University Press, 2000, 232 p.
- Cejtlin, R. M. Old-Slavonic Vocabulary. Moscow, Nauka, 1977, 336 p. (in Russ.)
- **Cejtlin**, **R. M.** On lexical peculiarities of the language of Old Slavonic manuscripts. *Voprosy Yazykoznaniya* [*Topics in the Study of Language*], 1969, no. 6, p. 35–47. (in Russ.)
- **Chernysheva**, **M. I.** On the sources of lexical variability in early Slavic translations from Greek: the technique of translator's doublets. *Voprosy Yazykoznaniya* [*Topics in the Study of Language*], 1994, no. 2, p. 97–107. (in Russ.)
- **Degtev**, S. V. Some Notes on the two translations included in the "Thirteen Orations" by Gregory of Nazianzus (the Theologian). In: Traditions of the oldest Slavic writings and the language culture of Eastern Slavs. Moscow, Nauka, 1991, p. 36–41. (in Russ.)
- **Discenza**, N. G. The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, State University of NY Press, 2005, 224 p.
- **Dmitriev**, **D. V**. Synonymous doublets of Biblical origin in Old-Russian writings. In: Dinamika russkogo slova (The dynamics of a Russian word). St. Petersburg State University Publ., 1994, p. 43–50. (in Russ.)
- **Eichel**, **A.** T. Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016, 302 p.
- **Glinkina**, **L. A**. From history of coordinate conjunctions with an explanatory meaning in the Russian language. In: Issledovaniya po slovoobrazovaniju i leksikologii drevnerusskogo yjazyka (Studies on word-formation and lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1978, p. 98–116. (in Russ.)
- **Hansack**, **E.** Die theoretischen Grundlagen des Ubersetzungsstils des Exarchen Johannes. In: Die Welt der Slaven XXVI. München, 1981, S. 15–36.
- **Hansack**, E. Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Praefatio Brixiana; 2. Notker der Deutsche. *Anzeiger für slavische Philologie*, 1987, no. 18, p. 79–127.
- Harl, M., Dorival, G., Munnich, O. La Bible Grecque des Septante (Du Judaïsme Hellénistique au Christianisme ancient). Ed. du CERF, 1988, 368 p.
- **Istrin**, **V. M.** Georgii Monachi chronicon: George the Monk Chronicle in old Slavonic-Russian translation. Text, study and glossary. Petersburg, 1920, 612 p.; 1922, vol. 2, 454 p.; Leningrad, 1930, 348 p. (in Russ.)
- **Klimenko**, **L. P**. Some lexical peculiarities of the old Slavic translation of the Greek Psalter (based on manuscripts of 11th–14th centuries). In: The Term and the Word. Nizhny Novgorod, 1997, p. 116–125. (in Russ.)
- **Kolesov**, **V. V.** The Old-Russian literary language. Leningrad (now Saint Petersburg) State University Publ., 1989, 295 p. (in Russ.)
- **Lukina, G. N.** On history of the antonymous adjectives in the Russian language (words *tonkyi* (*thin*) and *tolstyi* (*thick*). In: Issledovaniya po istoricheskoj leksikologii drevnerusskogo yazyka [Studies on historical lexicology of the Old-Russian language]. Moscow, Nauka 1964, p. 80–93. (in Russ.)
- **Nikolaeva**, **N. G.** Corpus Areopagiticum Slavicum: a linguistic study. Kazan, Kazan University Publ., 2007, 184 p. (in Russ.)
- **Penkova**, **P.** The Grammatical Exegesis in the Preslav Literary School. In: Littera et Lingua. Електронно списание за хуманитористика. 2013. URL: http://www.slav.uni-sofia.bg/naum/en/lilijournal/2013/1-2/penkovap (accessed 10.01.2018).
- **Pichkhadze**, **A. A.** Translation activity in pre-Mongol Old Russia. Moscow, Manuscripts of Old Russia, 2011, 403 p. (in Russ.)

- **Pimenova**, **M. V**. The expression of aesthetic evaluation in the Old-Russian language (based on literary monuments of the 11th early 12th centuries). In: Dinamika russkogo slova [The dynamics of a Russian word]. St. Petersburg State University Publ., 1994, p. 150–154. (in Russ.)
- **Tarkovsky**, **R. B.** Expressive stylistic emphasis in the system of word to word translation in Russia in the 17th century. In: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury (TODRL) [Papers of Oldr Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka, 1979, p. 162–175 (in Russ.)
- Thery, P. G. Etudes Dyonisiennes I: Hilduin, traducteur de Denys. Paris: Vrin, 1932, 183 p.
- **Thomson**, **F. J.** John the Exarch's Theological Education and Profociency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa". *alaeobulgarica*, 1991, vol. 15, no. 1, p. 35–58.
- **Vinogradova**, V. N. Formation of abstract nouns with prefixes ne- and bez- in the Old-Russian language of 11th-14th centuries. In: Issledovaniya po istoricheskoj leksikologii drevnerusskogo yazyka. (Studies on historical lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1964, p. 218-244. (in Russ.)
- **Vyalkina**, **L. V**. Greek etymons of compound words in the Old Russian language of the 11th–14th centuries. In: Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka [Lexicology and wordbuilding of the Old-Russian language]. Moscow, Nauka, 1966, p. 154–188. (in Russ.)
- Waard, J. de, Nida, E. A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. New York, Thomas Nelson Inc., 1986, 224 p.
- **Zhukovskaya**, **L. P.** Lexical variants in ancient Slavic manuscripts. In: Issledovaniya po istoricheskoj leksikologii drevnerusskogo yazyka. (Studies on historical lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1964, p. 5–17. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Date of submission
25.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

- **Соломоновская Анна Леонидовна**, канд. филол. наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
- **Anna L. Solomonovskaya**, Cand. of Sci. (Linguistics), Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

asolomonovskaya@mail.ru ORCID 0000-0001-8300-6691